



Виктория Кожухова

ТИХОНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Кожухова

Тихоня

«Автор»

2026

Кожухова В.

Тихоня / В. Кожухова — «Автор», 2026

<p>Вздохнув, я ставлю порно на паузу и снимаю наушники. Такое вот грязное хобби у меня смотреть фильмы для взрослых в то время, когда мои ровесницы развлекаются с парнями. Честнее к самой себе было бы начать встречаться с кем-нибудь, но Марат. В нем дело. Да и не смотрит на меня никто, буду уж откровенна.</p><p>За стеной слышится стон:</p><p>- О, Мара-а-ат!</p><p>Господи, подари мне временную глухоту и железные нервы. Или Марату временную импотенцию.</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктория Кожухова

Тихоня

Глава 1

– Ты знаешь, что у Маратика новая девочка?
– Слышала... Вот только надолго ли? Он их меняет как перчатки...
– Ну может и остепенится в этом году... Хотя-я-я...
– Держи карман шире! Ему-то зачем себя связывать постоянными отношениями, когда девки на него гроздьями вешаются?
– Ну да... Он такой...
– Ой смотри, идет, идет... Красивый, зараза! Хоть бы раз посмотрел на меня! Маратик, приве-е-ет!

Отрываюсь от доклада, который собираюсь представлять на паре, и смотрю на входящего в аудиторию сводного брата.

Сказать, что Марат красавчик – это значит промолчать. Черноволосый, кожа отликает бронзовым загаром, миндалевидной формы глаза всегда слегка прищурены и в них плещется море простодушного веселья. Спортивный, прекрасно сложенный и доброжелательный, можно даже сказать, любвеобильный ко всем, кого видит – вот таков человек, с которым я делю двухкомнатную квартиру. Сегодня Марат как всегда улыбчив: улыбка эта обнажает ровные белые зубы, открывает взору бесконечно милые ямочки и в целом делает его еще более привлекательным.

Тяжело вздыхаю.

Было бы глупостью думать, что я не слышала диалога, который велся за моей спиной. Я часто слышу подобные, много раз меня даже просили передать Марату любовные послания. Но в конце концов все просьбы сошли на нет, когда я наотрез отказалась это делать, пригрозив, что перестану давать свои конспекты для списывания. Все на курсе знают: лишись они моих знаний, их зачетки будут украшены сплошными «парами».

Марат легко кивает девчонкам, которые строят ему глазки, быстро проносится между рядами и усаживается рядом, закидывая руку позади меня на спинку скамьи. От него приятно махнет сигаретами и мускусом, и я невольно задерживаю дыхание, прилагая все силы, чтобы не смотреть на него.

– Как дела, Садо? – спрашивает он, дергая меня за длинную косу.

Вообще-то мое настоящее имя Венера Садомазова, но как вы сами понимаете, однокурсники частенько цепляются именно к фамилии, которая со временем превратилось в это короткое издевательское прозвище.

Признаться, оно совсем мне не подходит. Я – образец скромности, чистоплотности и невинности. А еще я очень умная и ношу очки. Из-за этого в универе за мной закрепился образ зубрилки и заучки. А затем приклеилось и нелепое прозвище – словно в насмешку.

Сдерживаю тяжелый вздох и поворачиваюсь к брату, окидывая его презрительным взглядом:

– Нормально. Отстань, Марат. Не видишь, я занята?

На самом деле мне хочется облизать его с ног до головы. Встать перед ним на колени, боготворя его красоту. Признаться в чувствах, которые захватывают меня, когда я смотрю в эти карие глаза. Сказать, что люблю, что хочу быть с ним...

Но если бы у меня был шанс, что он хотя бы краем глаза посмотрит на меня, как на девушку... Тогда, клянусь, три сотни порно-роликов, просмотренных мной ранее, сослужили

бы мне добрую службу. И я исполнила бы все свои грязные фантазии, которые день за днем наполняют мою бедную головушку, когда я смотрю на Марата.

– Да просто так... – улыбка Марата становится еще шире. – Какие планы на Новый год?

– А что? – усилием воли держу на лице «покерфейс», а мое непослушное влюбленное сердце замирает в грудной клетке, а затем начинает трепетать. Неужели Марат решил, что проведет праздник не в каком-нибудь ночном клубе, как делает всегда, а дома, со мной?

– Да просто Маринка решила прийти, думал, что может ты куда-нибудь соберешься... – Марат смущенно трет нос, а мое сраженное наповал сердце падает куда-то в желудок.

– Что за Маринка? – спрашиваю как можно более равнодушно, надеясь, что мой голос не звучит подобно жалкому писку.

– Ну та, которая...

– Брюнетка что ли?

– Да нет, рыжая...

– Не помню, – утыкаюсь носом в доклад, украдкой смаргивая подступившие к глазам слезы.

– Ну такая с большой грудью...

Вздыхаю и, убедившись в том, что слез на глазах больше нет, откладываю доклад в сторону:

– Можешь мне поверить, – цежу язвительно, – я на ее размер груди обратила бы внимание в последнюю очередь. Да и потом, дома я буду, никуда не собираюсь.

Марат пожимает плечами и отодвигается. А я смотрю в одну точку, стараясь успокоиться. В груди печет, мне больно. Но я ничем не выдаю своих чувств. В конце концов, что до того, что Марат не видит во мне девушку? Гораздо больнее то, что он не видит во мне человека. Но это мы уже проходили, с этим сталкивались.

Так что - не привыкать.

Глава 2

Сижу за компьютером, делаю презентацию. Мне хочется блеснуть знаниями перед учителями, ну и забить голову мыслями о делах, выгнав из них образ Марата. Я устала думать о нем и мучить себя догадками, с кем он проводит сегодняшний вечер.

Не выдерживаю и роняю голову, бьюсь лбом о стол. Это невыносимо. На Новый год загадаю желание разлюбить его. Потому что эти чувства не приносят мне ничего, кроме боли.

Слышу хлопок входной двери и резко поднимаю голову, усилием воли возвращая на лицо равнодушное выражение. О, легок на помине. И, судя по смеху, раздающемуся из коридора, Марат не один. Морщусь от отвращения. Сколько раз ему было сказано – не води своих одноразовых девок домой! Но нет же! Никак не хочет слушать.

- А мы одни? – доносится до ушей щебет. Как только легкие нотки доносятся до моих ушей, прижимаю руку к груди.

Больно. Мне больно.

- Да, птичка, хотел тебе сказать... - начинает Марат.

Закатываю глаза и, подражая девичьему щебету, пишу, открывая дверь своей комнаты:

- Нет, птичка, не одни! Поэтому умерь свои искусственные стоны, когда он будет тебя трахать!

Девушка вспыхивает свекольным румянцем, а Марат, наоборот, бледнеет от ярости. Я почти наслаждаюсь тем, каким огнем загораются его карие глаза, когда он шипит:

- Обязательно показывать свой сучий характер?

- Ну ты же постоянно показываешь свой член! – парирую я. – Чем богаты, тем и рады!

Да, я заучка, но вредная и злопамятная. Не могу держать язык за зубами, когда внутри все пылает огнем. В такие моменты мне необходимо выплеснуть все на оппонента, иначе я отравлюсь собственным ядом.

Марат тяжело вздыхает и поворачивается к девушке:

- Лен, проходи в мою комнату, не стесняйся.

Та быстро проскальзывает мимо него, а я приподнимаю бровь:

- Лена?..

- Не твое дело, - огрызается он. – И закрой дверь!

- Закрой ширинку свою хоть на день! – презрительно морщусь и, все-таки не сдерживаясь, хлопаю дверью.

«- Милый, скажи, как ты хочешь?» – сидящая на постели сисястая блондинка раздвигает ноги и хватает руками груди с крупными розовыми сосками, сжимает их, мнет и стонет. Сдвигает их вместе, юркий язычок проходится по пухлым губкам, а затем блондинка плюет на сиськи, пальцами размазывая по ним слюну.

Внизу живота у меня сладко поджимается, когда неведомый камере человек хватается за роскошную копну волос и двигает к своему стоящему члену. Блондинка вновь облизывается, краем язычка задевая головку – раздается приглушенный стон.

А затем мужик быстрым движением загоняет член блондинке в рот и с довольным кряхтеньем беспорядочно двигается в нем, загоняя по самые яйца. Блондинка пытается принорочиться к движениям партнера, секунда – и вот она сама уже услужливо нанизывается горлом на длинный член. По ее крупным сиськам текут слюни, взгляд – расфокусированный, наполненный удовольствием...

Вздохнув, я ставлю порно на паузу и снимаю наушники. Такое вот грязное хобби у меня – смотреть фильмы для взрослых в то время, когда мои ровесницы развлекаются с парнями.

Честнее к самой себе было бы начать встречаться с кем-нибудь, но... Марат. В нем дело. Да и не смотрит на меня никто, буду уж откровенна.

За стеной слышится стон:

- О, Мара-а-ат!

Господи, подари мне временную глухоту и железные нервы. Или Марату временную импотенцию.

Со вздохом вновь надеваю наушники, закрываю дверь на щеколду и воспроизвожу видео. Камера показывает голую задницу мужика, но в следующую секунду смещается, являя моим глазам широко открытый рот блондинки и то, как быстро движется в нем огромный член.

Пробираюсь пальцами в трусики, скольжу по мокрым складкам. Сколько уже у меня не было секса? Год, наверное.

Член с хлопанием скользит в глотке у блондинки, а затем выскальзывает оттуда. Блондинка раздвигает ноги и ее партнер с удовольствием устраивается между них. Глядя на то, как он трахает ее, я остервенело двигаю пальцами.

И плачу. Меня тошнит от себя, от того, с какой легкостью я поддаюсь порыву похоти. Тошнит от Марата, который трахает непонятно кого за стенкой. Тошнит от ситуации, в которой я оказалась... Тошнит от себя.

Ненавижу всю эту жизнь. Ненавижу.

Хлопок входной двери я слышу примерно через час. К этому моменту мое тело уже отошло от пережитого оргазма, а лицо остыло от слез. Поэтому когда я слышу стук в дверь, то спокойно произношу:

- Открыто.

Дверь открывается, являя мне недовольного Марата. И я опять не могу молчать, слова сами срываются с острого, словно бритва, языка:

- Чего такой недовольный? Девочка недостаточно хороша оказалась?

- Не твое дело, - бурчит он. - Я ухожу, закрой за мной дверь. Меня не будет, скорее всего, всю ночь.

Пожимаю плечами:

- Хорошо. Теперь, наконец-то смогу привести своих гостей.

Марат, уже развернувшийся ко мне спиной, вновь поворачивается ко мне, окидывает хмурым взглядом:

- Никаких гостей.

- Ч-чего? - у меня глаза на лоб лезут от такой наглости. - Как девок непонятных сюда таскать, так тебе можно, а как мне кого-то в гости пригласить - сразу нет?! Напоминаю: это не только твоя квартира!

Марат вздыхает, закатывает глаза и холодно смотрит на меня:

- На районе участились случаи нападений на девушек, поэтому лучше не зови сюда кого попало, - цедит сквозь зубы.

- Я кого попало звать и не собиралась, - обиженно поджимаю губы. - Только Мадину да Юрку.

Равнодушно пожимает плечами, безмолвно давая мне разрешение на встречу с друзьями. Сцепляю зубы от накатившей злости. Ну почему, почему, почему он ведет себя со мной как натуральный говнюк, а с остальными так приветлив?..

Глава 3

Юра приходит первым, и от него я узнаю, что Мадина не будет, потому что она заболела. Мы устраиваемся на диване около телека, Юрка протягивает мне купленный в магазине попкорн, а я включаю «Один дома» - как раз то самое новогоднее кино, от которого у меня вроде бы должно проснуться новогоднее настроение.

Оно не появляется, но так я хотя бы могу отвлечься от мыслей о Марате. И все вроде бы идет неплохо... Ровно до того момента, пока Юра не придвигается ко мне ближе и не кладет руку на коленку.

Замираю, округляя глаза. Приехали.

- Что ты делаешь? – перевожу на него осторожный взгляд.

- А на что похоже? – тихо спрашивает он.

- Юр...

- Ты мне давно нравишься, - двигается ближе и выдыхает мне в губы. – Ты красивая. Настоящая. Не то, что все эти надутые утки...

- Какие утки? – ошарашенно спрашиваю я: мысль о том, что мой друг, с которым мы вот уже несколько лет дружим, на самом деле хочет меня, бьет по голове не хуже вискаря, который мы пробовали на прошлое рождество.

- Ну эти самые... Девчонки с надутыми губами и сиськами... Я их утками называю... - бормочет он, заваливая меня на диван.

- Подожди, - возмущаюсь я, отходя от шока. – Что ты...

Но он уже не слушает. Задирает легкий подол домашнего халатика, затыкает губы настойчивым поцелуем. Пихаюсь, пытаюсь оттолкнуть его от себя, оторваться от слюнявых губ, которые елозят по моим, вызывая омерзение. То, что у меня больше года не было секса, не говорит о том, что я брошусь на первого попавшего! Лучше я дальше буду мастурбировать на порно!

Юра оказывается сильнее, чем я думала. Рукой он проходится по моему лицу, снимая очки. Скользит другой по бедру и что-то тихо выстывает мне в губы. Тяжесть его тела прибавляет меня к дивану, мне нечем дышать, пытаюсь выскользнуть из-под него, упираясь руками в плечи. В голове мелькает паническая мысль, от которой я мгновенно покрываюсь холодным потом: да он же меня сейчас поимеет на этом самом диване!

Внезапно тяжесть исчезает, я глубоко вздыхаю, радуясь освобождению, и вскидываю голову наверх. Чтобы наткнуться взглядом на злого как черт Марата. Он держит Юру за грудки, встряхивает его словно нашкодившего котенка и тихо, сквозь зубы произносит:

- Я тебе руки сейчас переломлю.

Юра мгновенно бледнеет. Широко раскрыв глаза, с ужасом смотрит на Марата, а я выдыхаю с облегчением, поправляя край халата. Не знаю, почему Марат вернулся, но это прям ну очень кстати!

Кожу на обнаженных ногах опалает – это Марат смотрит на меня дикими глазами. Не отрываясь. Во взгляде у него никакой осознанности, бездонная чернота, которая начинает меня пугать.

- Марат... - тихо произношу я.

- В комнату. Быстро, - отрывисто произносит он. – И не выходить, пока я сам не зайду. Живее! – прикрикивает он на меня.

Подрываюсь с дивана, еле сдерживая слезы. Я никогда не видела, чтобы Марат так себя вел. Никогда не видела его таким. Он... меня пугает.

В зале слышится мат, грохот, звуки ударов и стоны.

Я вздрагиваю каждый раз, когда слышу их. Холодными мокрыми ладонями сжимаю телефон – на случай, если придется звонить в скорую. Потому что, судя по звукам, доносящимся оттуда, Марат Юру убивает.

В тот момент, когда дверь в мою комнату открывается, я напугана так, что вскакиваю с места и даже немного вскрикиваю.

На пороге стоит Марат, с костяшек пальцев капает кровь. Лицо обезображено широкой хищной улыбкой, глаза все такие же темные... И мне в голову приходит мысль, что я – следующая.

Он ничего не говорит мне, лишь протягивает очки. Мои очки с толстыми стеклами в квадратной оправе, которые я очень люблю.

Несмело беру их, но тут же оказываюсь схвачена за запястье. Марат привлекает меня к себе, а мое чертово сердце беснуется в груди как сумасшедшее, когда его пальцы проходятся по виску. Когда Юра сделал так, мне было все равно, но его прикосновения обжигают сильнее каленого железа.

- Что ты сделала такого, что свела с ума парня... - негромко произносит он.

- Ничего... - удивленно приподняв брови, отвечаю я.

Марат смотрит на меня пристально, отпускает запястье. Его глаза светлеют. И я вроде бы должна чувствовать облегчение из-за того, что гроза обошла меня стороной, но ощущаю лишь разочарование.

- Глупая, глупая Венера, - шепчет он и быстро выходит из комнаты, оставляя меня одну в замешательстве и непонимании.

Глава 4

Юра больше не пристаёт ко мне. Он не здоровается, отводит взгляд, когда мы пересекаемся в универе и в целом делает вид, что меня не существует. Об инциденте напоминает лишь жирный синяк у него под глазом и то, как он дергается, когда мимо проходит Марат.

Собственно, последний тоже не стремится со мной общаться. С того момента, как он снял с меня ошавевшего Юру, прошла всего пара дней. И он тоже проходит мимо меня или смотрит, как на пустое место. И это в лучшем случае. Парочку раз я ловила на себе взгляды, наполненные презрением и даже злобой.

У меня от них дыхание перехватывает. Хочется выйти из универа, из города, да и вообще из этой жизни к чертовой матери. Но разве я когда-то сдавалась и позволяла чувствам взять верх? Фигушки. Вот и остается лишь мысленно отдавать себе приказы: «Дыши, Венера, дыши. Ты можешь. Ты сильнее всего этого».

Я не понимаю, почему он так относится ко мне. Вначале, давным-давно, когда мы были еще несмышленными подростками и в наших головах дул ветер, то очень хорошо общались. Наши родители тоже дружили по-соседски, а потом... что-то пошло не так.

Я уже тогда была влюблена в Марата. Он выглядел старше своих лет, и на него обращали внимание не только сверстницы, но и девушки постарше. Но тогда, он, конечно, не увивался за всеми подряд. Он, кажется, вообще ни на кого не обращал внимания. Помню, как летом мы часто проводили время на речке: уходили с самого утра и плескались, загорали... Ленивое сонное утро медленно перетекало в полуденный зной дня, а вслед за укатывающимся с небосклона оранжевым диском солнца уходил и день, превращаясь вначале в вечер, а затем и в ночь.

Тогда все было по-другому. Я ловила на себе его открытые взгляды, наполненные нежностью. Он подсаживался ко мне близко-близко, и мы вместе, глядя на догорающий костер, травили страшные байки или просто строили планы о том, чем займемся завтра.

А потом мой отец сделал предложение его матери и все закончилось. Закончились эти теплые дни, наши с ним дни, наполненные чем-то личным. Закончилась наша личная вселенная, в которой не было месту никому другому.

Его взгляд стал холодным, отчужденным, порой даже насмешливым. Он перестал заходить за мной в школу, потому что они с мамой переехали в наш дом. И вслед за злыми одноклассниками с его губ впервые сорвалось злое и чужое «Садо», а затем и обидное «заучка». А я... я похоронила в себе все воспоминания о тех сладких днях, похоронила свои чувства к нему. И стала той, кем меня считали.

Заучкой. Садо, которая всегда дает списать, когда ее попросят. Злой, спрятавшейся за толстыми линзами квадратных очков, которые Марат мне когда-то, словно в насмешку, подарил. Носящей серые безразмерные сарафаны-балахоны, которые скрывали фигуру и ноги. Скручивающая свои жгучие черные волосы в толстый кулек на голове или заплетающая из них косы.

Ведь так проще. Зачем кому-то что-то доказывать, когда можно просто подстроиться под мнение окружающих? Они хотели видеть меня такой, и я давала им это. И Марату тоже.

Но вот что я не смогла никогда прятать – так это острый язык, ядом жалящий всех неугодных. Он, словно зеркало, отражает то, что спрятано у меня внутри. Выталкивает из меня горечь, злобу и боль, чтобы я не отравилась собственным ядом.

Потому что так – лучше. Так – проще. Я точно знаю.

Захожу в квартиру, усталым движением бросаю сумку на пол и разуваюсь. После гибели родителей нам остался дом. Тогда Марат предложил купить двухкомнатную квартиру на время

учебы в университете. Я согласилась, а остальные деньги мы положили на общий банковский счет. Конечно можно было бы давно разъехаться, но черт побери, у меня кишка тонка сделать это.

В принципе, меня все устраивает. Хорошо бы он еще баб своих сюда не водил. Не мозолил мне глаза, не рвал душу на части каждый раз, когда я застаю какую-то из его подстилок с утра на кухне. На моей, между прочим!

Но разве ему что докажешь... Я думала, что после смерти родителей наши отношения хотя бы немного оттают... Но было ошибкой надеяться на это. Марат еще больше отгородился от меня, закрылся. А я, готовая любить его, запихнула эту ненужное чувство поглубже, и теперь оно не живет, а гниет внутри меня. Сцепив зубы, не обращаю внимания на запах гниения и продолжаю наблюдать в нашей квартире парад бл*дей.

Кстати, после того случая с Юрой они стали появляться еще чаще. Я уже ничего не говорю ему, устала от этого. Да и что скажешь человеку, который смотрит как на пустое место? Смотрит – и ведет за собой еще одну прошмандовку за ручку.

Вот и сейчас я с осторожностью прислушиваюсь к тишине, что царит в квартире. И слышу, как ее разрезает тонкий стон, доносящийся из его комнаты. Этот стон лезвием проходит сквозь мою грудь, вонзается в сердце и замирает там. Переживаю острейший приступ боли, вздыхаю и тихонько прохожу к своей комнате, надеясь, что меня не заметят. И застываю на пороге, слишком ошарашенная, чтобы что-то сказать или сделать.

Стон доносился не из комнаты Марата, а из моей.

Глаза застилает кровавой пеленой. Я хочу ослепнуть или умереть, потому что увиденное разрозненными пазлами вклинивается в мои глаза подобно тому лезвию, что застряло в сердце, а затем вклиниваются и в разум, заставляя осознавать то, что происходит.

Раскинутые в разные стороны голые ноги и руки, темные волосы, разметавшиеся по подушке. Мощная задница,двигающаяся меж раскрытых ног. Два тела, изо всех сил вклинивающих друг в друга, подчиняющихся одному ритму.

На моей кровати. В моей комнате.

Пот на лбу Марата, его черный осоловевший взгляд, беззащитное горло, которое открывается моему взору, когда он вскидывает мокрую голову и расширившимися глазами смотрит.

Куда?..

На мое фото, висящее на стене.

Марат смотрит и двигается, смотрит и двигается... И на его лице – выражение сладкой муки.

- Милый... - стонет девушка. – Твоя сестра точно не вернется?..

- Нет, - хрипит он. – Эта дурочка... - выдыхает. - У нее еще две пары.

Да, не повезло тебе, братец, что их отменили, и я пришла домой раньше. Или это не повезло мне?

- Но Марат...

- Ой, да заткнись ты! – шипит он, вколачивая ее в кровать.

В мою, бл*дь, кровать.

Осторожно отхожу от двери. У меня трясутся руки, ноги, я вся трясусь и, кажется, сейчас нырну с головой в глубокий обморок. Встряхиваю головой, отгоняя муть перед глазами.

Нет, нет, сейчас не время раскисать. А что, что мне делать? Зайти обратно и устроить скандал? Или тихой мышкой выскользнуть из дома?

Я выбираю второе. Никогда не принимала решения, поддаваясь эмоциям, и сейчас не собираюсь.

Глава 5

Ноги почему-то несут меня в сквер неподалеку от нашего дома.

Я сажусь на скамейку и смотрю перед собой, пытаюсь переварить увиденное. Пытаюсь в очередной, впрочем, совершенно безуспешный раз, понять. Прикрываю глаза рукой. Дневной свет слепит меня, глаза болят. Внутри все горит огнем, ощущение такое, будто меня из печи вытащили. Сейчас я вся – сплошной ожог, вопящий от боли. Мысленно вопящий, потому что вслух не произношу ни слова.

Ни единой слезинки не срывается с глаз. Я такая как есть, такая, какую воспитала сама, какую воспитали из меня окружающие, в том числе и сам Марат. Привыкшая носить одну маску за другой, сарказм и язвительность выставлять щитом перед собой, чтобы больше никто не поранил.

Но Марат... Он всегда умел обходить эту защиту. Самыми незамысловатыми фразами или действиями давая мне понять, что я для него ничего не значу. Что я для него – пустое место. Сегодняшний его поступок – наглядное тому подтверждение.

За что он так со мной? Все эти годы я спрашиваю себя, за что он наказывает меня. Сначала насмешкой, пренебрежением, затем – холодностью. А теперь еще и этим...

Встряхиваю головой и отрываю глаза. Нет, этому должно быть разумное объяснение. Может он решил таким образом наказать меня за мои замечания в сторону девочек, постоянно приходящих в нашу квартиру? Мол, вон твоё место! Смотри и запоминай: я делаю все, что захочу!

Нет, тогда ему надо было точно подгадать время, когда я вернусь домой. Ведь первое место в зрительном зале он должен был отвести мне как единственной наблюдательнице, которой нужно было понять всю степень его пренебрежения и наплевательского отношения к ее личным границам. Но вот в чем загвоздка. Марат не знал, что пары отменили.

Значит эта версия отпадает.

Тогда остается другая, не менее отвратительная и более очевидная.

Сцепляю руки в замок, глядя в одну точку, а затем чувствую, как щекам становится горячо. Тут же чувствую раздражение: я все-таки заплакала! Тщательно стираю злые слезы, а после, не выдержав, всхлипываю. Этот звук вырывается из груди, оттуда, где так больно, что хочется умереть, лишь бы не чувствовать. И от того, с какой быстротой он срывается с губ, мне становится легче.

Я закрываю руками лицо и реву. Отчаянно и безнадежно.

Ему просто захотелось разнообразия. Чертов извращенец!..

Спустя некоторое время слезы остывают, а разум проясняется. Теперь я могу отвлечься от боли, она ушла на некоторое время, оставив на месте себя звенящую пустоту. Это помогает мне справиться с эмоциями.

И в голове сразу всплывает воспоминание: капельки, скользящие по смуглой шее, ослепивший взгляд карих глаз, глядящий...

Почему он смотрел на мою фотографию? Или мне показалось?

При мысли о том, что Марат, возможно, представлял меня во время секса, в груди и животе все воспламеняется и переворачивается, а волоски на загривке встают дыбом. Ох, если бы я только знала точно! Я бы все сделала для него, воплотила самую его извращенную фантазию!.. Утолила жажду, которая так долго мучает меня. Сдалась бы томным мыслям, которые приходят мне в голову, когда я смотрю порно, где другие, чужие люди сношаются в разных позах, сладострастно стонут и двигаются, стремясь слиться воедино...

Я бы повторила то, что случилось год назад... Ту ночь, которую, я, кажется, никогда не забуду.

Усилив воли отбрасываю воспоминания годичной давности, от которых до сих пор мое естество вспыхивает как зажженная спичка.

Нет, мне надо съезжать, причем срочно. Больше я этого не выдержу. Я думала, что у моего терпения нет срока давности. Оказалось, что два года в одной квартире без родителей – более чем достаточно. Соберу все шмотки и сниму себе квартиру. Так будет правильно.

Но вначале сделаю самую большую ошибку в жизни. И не буду о ней сожалеть. И наплевать, если после этого Марат окончательно отвернется от меня. Мои губы расползаются в грустной усмешке.

А если и отвернется, значит это к лучшему.

К задуманному я готовлюсь тщательно. Собираю все вещи в чемодан, чтобы в случае чего быстро смыться. Захожу в секс-шоп, покупаюсь всем необходимым. Подгадываю момент, когда Марат остается один и засыпает.

Я долго смотрю на него спящего. Любуюсь тем свободным, даже милым лицом, которое он никогда мне не показывает. Выдыхаю глубоко, собирая нырнуть в свою глупость, как в ледяную прорубь.

Мягко подхожу к нему, осторожно беру за руки. Наручники, отороченные черным мехом, надежно приковывают его запястья к железному витиеватому изголовью кровати.

Гашу свет, оставляя лишь легкий огонек ночника. Включаю тихую музыку.

Марат ворочается на кровати, судя по всему разбуженный звуками музыки. Улыбаюсь, глядя на то, как он хмурит брови спросонья, чувствую, как сердце пойманной птицей бьется в грудной клетке. Но назад дороги нет – это я понимаю, когда он открывает глаза и с недоумением смотрит на меня:

- Садо... Ты что здесь делаешь... - он дергает руками, вскидывает голову вниз, и я слышу, как он вскрикивает: - Это что еще за дерьмо?! – Марат переводит на меня взгляд, наполненный гневом: - Это шутка что ли такая? Освободи меня немедленно!

- Что такое? – развожу я руками и выхожу из тени полностью, так что он может рассмотреть меня полностью.

А посмотреть есть на что – недаром я львиную долю вечера убила, прихорашиваясь. Черные длинные волосы, которые я обычно убираю, сейчас распущены и густым водопадом выются по плечам вплоть до самой поясицы. Карие глаза подкрашены, губы я оставила без помады. Коротенький клетчатый топ с черной кружевной отделкой не прикрывает пупка и тазовых косточек, как и сосков, которые острыми кончиками трутся о материал.

Юбочка такая коротенькая, что едва прикрывает попку, облаченную в трусики танго. Я поворачиваюсь по часовой стрелке, чтобы Марат смог полностью меня рассмотреть. Он, конечно, рассмотрит не только попку, но и болезненную худобу, а еще кривоватые ноги. Ну да, еще мне некуда деть длинноватый нос, как и собственный острый вредный характер, но обойдется.

Завершают образ две подружки-туфельки на длиннющих острых каблуках, поэтому я кажусь выше.

- Что ты делаешь? – шепчет Марат, глядя на меня круглыми глазами.

- Видишь ли... - склоняю голову набок подобно любопытной птице. – Я подумала, что ты захочешь разнообразить сексуальную жизнь.

- Чего?! – вскидывает он брови наверх.

- Ну ты же решил со своей подружкой оприходовать мою кровать... - отвечаю я, а затем с удивлением замечаю, как на его щеках вспыхивает румянец! Мой Казанова смущается!

К его чести, он никак не комментирует сказанное мной. Понимает, что все его слова прозвучат как никому не нужное оправдание.

Я медленно иду к нему. Толстый ковёр на полу заглушает стук каблуков, но Марат вздрагивает при каждом моем шаге.

Наконец я сажусь на постель. Он весь подбирается, сжимается. В глазах - пелена, которая не показывает его истинных чувств. Я точно это знаю, потому что за прошедшие года успела хорошо изучить Марата.

Мне хочется взять его за грудки, придвинуться близко-близко и выдохнуть в лицо чистую ярость, которая отравит его моим отчаянием.

"Кто ты?" - спросила бы я его. - "Кто ты и почему столько лет занимаешь тело моего Марата?! Он ведь был совсем не таким! Он был добрым и нежным! В его глазах отражалось небо, руки были теплыми, а взгляд - открытым! И он смотрел только на меня и больше ни на кого! Я была для него просто Венерой, а не заучкой Садо, которая всегда даст списать! Так кто ты? И что сделал с Маратом?!"

Но я ничего не говорю. Я молчу, пальчиками прохожусь по краям его расстегнутой рубашки, едва касаюсь его полуобнаженного торса. Чувствую жар, исходящий от него, Марат словно печка, к которой сунешься и сгоришь ко всем чертям.

Но я себя знаю. Я все равно сунусь, потому что слишком долго ждала и терпела. Вот беда - я слишком люблю его. Я люблю его любым: в хорошем настроении и без, прошлого, который, без сомнения, любил меня больше, чем сейчас, да и нынешнего - грубого бабника, который меняет девок, как перчатки.

- Что ты собираешься делать?

Приподнимаю бровь и сдерживаю желание рассмеяться. Все слишком очевидно, чтобы говорить об это вслух.

Марат хочет еще что-то сказать, но не успевает: я подцепляю край его джинсов, тяну молнию вниз. Внутри все съезживается от предвкушения, мое дыхание учащается, и я свожу ноги вместе, чувствуя, как возбуждение опалает низ живота.

Освобождаю его член. Он уже твердый, что заставляет меня презрительно улыбаться.

- Тебе все равно, кого трахать? Какой ты неразборчивый. Но сегодня я воспользуюсь этим.

С этими словами вбираю в рот член, прикрываю глаза, скольжу губами вниз-вверх, чувствуя бархатистость кожи, мускусный запах возбуждения. Слизываю с щелки солоноватую смазку, легко щелкаю язычком по головке - и Марат стонет, опалая меня горячим черным взглядом.

- Ненавижу тебя, - выдавливает он.

Это вызывает во мне усмешку. Хочется спросить у него, когда между нами все стало так непросто? Но я пришла сюда не разговаривать.

- А мне и не нужна твоя любовь, - шепчу я. Это наглая ложь, но Марат недостоин правды.

Наклоняюсь и провожу языком по головке. Марат дергается словно его ударили током, тихо стонет, а потом замолкает. Исподлобья смотрю на него: закусил губу, но мощная грудь быстро поднимается и опускается, выдавая его состояние.

Беру в рот член, прикрываю глаза. Черт побери, тонны просмотренного порно стоили того, чтобы показать Марату все, на что я способна. Не стесняясь, устраиваюсь удобнее. Хочется раздвинуть ноги шире, чтобы он увидел мои трусики, на которых расплзается мокрое пятно. Не желаю стыдиться своего возбуждения, как он, мне наплевать на все условности и запреты. Я устала терпеть.

А от мысли о том, что он смотрит именно на меня, осознает, что это я почти сижу на нем и сосу его член, как вкусную конфету, внутри все поджимается и вспыхивает.

Глава 6

Была бы я поумнее, то записала бы все это на камеру и потом показывала бы всем сучкам, проложившим почетную дорогу в его спальню. Их бы сразу поубавилось.

Но во мне нет подобного коварства. Есть лишь обида и желание получить свое. Поэтому я выпускаю член изо рта, перекидываю через Марата ногу и медленно сажусь на него. Ровный длинный ствол входит в меня, от чего у меня на мгновение замирает дыхание.

Марат дергается, прикрывая глаза. Стонет – тихо, мучительно, от чего у меня подгибаются пальцы на ногах. Что-то шепчет, но я не понимаю, что именно, и просто двигаюсь на нем, плавая на волнах удовольствия и осознания того, что вот он – рядом со мной, во мне, уско-ряюсь, чувствуя, как его член задевает внутри мне что-то, от чего внутренности скручивает болезненно-сладким узлом.

От этого вскрикиваю, впиваясь в его лицо взглядом, пытаюсь запомнить его таким. Это все в последний раз. Назад дороги уже нет, и после этой ночи я не смогу больше посмотреть на него, услышать, что он говорит... Меня не будет рядом.

Эти мысли придают мне сил, и я двигаюсь на нем в бешеном рваном ритме. Мне немного больно, но это хорошая боль, которая заставляет меня стонать громче и громче. Вцепляюсь в подлокотник кровати, прыгаю на нем, слыша ритмичные хлюпающие звуки. Марат погружается в меня полностью, до самых яиц. Я вижу, как он тяжело дышит, по лбу катится капля пота, которую я слизываю кончиком языка.

Вкус порока.

Он сцепляет зубы, старается не стонать громко. Но проигрывает с каждой секундой все больше и больше, а затем капитулирует, когда бросает взгляд вниз, туда, где моя вагина поглощает его член. Его рассеянный, почти испуганный взгляд становится жадным, и Марат, не сдержавшись, двигает бедрами вверх.

Наконец принимая то, что происходит между нами.

Он дергает руками, и я с удивлением слышу жалобный скрип наручников, которыми приковала его. Не успеваю удивиться их ненадежности, как Марат резко дергает руками вниз, и наручники, не выдержав, поддаются его напору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.